

Восточноазиатский регионализм: политическая мотивация участников интеграции

© 2015

В. Балакин

Восточноазиатские государства пока не готовы к политической интеграции в регионе. Однако если развитие в нем пойдет в рамках культурной и экономической парадигмы, нельзя исключать интегрирующего конфуцианского и хозяйственно-го влияния Китая на данный процесс. В итоге это может привести к возникновению такого уникального явления как «новый восточноазиатский регионализм», в основе которого будет лежать растущее китайское влияние на системообразующие отрасли региональной экономики.

Ключевые слова: Восточная Азия, политические режимы, региональное развитие, Китай, «новый регионализм».

Начало XXI века отличает постепенное изменение понятия «суверенитет» в давно сложившемся юридическом смысле. На региональном уровне экономическая взаимозависимость государств начинает приобретать политический характер, поскольку многие экономические процессы объективно превращаются в транснациональные¹. Система международных отношений все более эволюционирует в направлении региональных объединений государств, приобретающих функции наднациональных конгломератов. Стремительное возвышение Китая превращает Восточную Азию в регион, который, становясь экономическим лидером глобального развития, одновременно как бы самоустраивается от любых внешних форм политического взаимодействия, предпочитая осуществлять собственные политические приоритеты через создание системы экономических взаимозависимостей и взаимосвязей. Восточноазиатский регион пока явно не готов стать некоей реальной политической общностью и развивается в рамках классической теории экономической интеграции, стремясь полностью пройти все известные этапы, а именно: на практике реализовать многочисленные соглашения о зонах свободной торговли, создать мощную общерегиональную зону свободной торговли, образовать единый таможенный союз, сформировать единый восточноазиатский рынок и в итоге добиться полной экономической интеграции.

Восточноазиатские государства продолжают делать ставку на межэлитные взаимоотношения, опираясь на закрытые договоренности своих политических лидеров. Экономический фундамент таких взаимоотношений служит, прежде всего, поддержанию региональной политической стабильности, что позволяет решать интеграционные задачи, сохраняя внешние признаки государственного суверенитета². Последний фактор крайне важен, поскольку государства Восточной Азии заметно различаются своими политическими режимами и культурными предпочтениями. Чтобы развивать экономическое взаимодействие, восточноазиатским странам приходится проявлять чудеса изобре-

тательности, обходя застарелые территориальные и иные споры, демонстрируя при этом строгую приверженность своему национальному суверенитету, а также искусно избегая открытого идеологического вмешательства во внутренние дела друг друга. Несмотря на все сложности, восточноазиатская модель развития показывает неплохую эффективность, позволяя не только решать современные модернизационные проблемы в условиях разнородности политических и экономических институтов, но и добиваться устойчивой взаимосвязи динамичных внутренних и более инертных международных политических процессов.

Восточноазиатский интеграционный опыт первого десятилетия XXI в. демонстрирует возможность тесного экономического сближения при отсутствии общих политических интересов. Государствам Восточной Азии удастся находить достаточно оптимальное соотношение экономических и политических решений с тем, чтобы не допустить превращения объективно развивающегося интеграционного процесса в сложную, а подчас и неразрешимую проблему. В поступательном движении восточноазиатской интеграции обращает на себя внимание адекватная сбалансированность тактических задач в рамках обширного эмпирического опыта, когда наглядно проявляется скептическое отношение к теоретическим изысканиям по поводу возможности формирования политической модели регионального сообщества по примеру объединенной Европы³.

Все восточноазиатские государства руководствуются принципом **объективной неразрешимости** исторически сложившихся противоречий между региональными интересами и неизбежностью государственных суверенитетов. Восточноазиатские политические элиты убеждены, что природная диалектика национального суверенитета не позволяет разрешать такие противоречия, как соотношение независимости и комплексной взаимозависимости; сочетание сотрудничества и соперничества; принятие решений на основе консенсуса или приоритета мнения большинства; первичность государственного суверенитета или надгосударственности; бережное и последовательное сохранение внутринационального единства или забота о культурном многообразии; акцент на общерегиональную идентичность или поддержание национальных идентичностей.

В Восточной Азии европейская интеграционная идея не вызывает положительных эмоций, поскольку она изначально предполагала федеративную организацию жизни европейских государств. Ключевой тезис европейского федерализма заключается в необходимости создания общих политических и правовых институтов, что должно послужить некоей основой для экономической и культурной интеграции. Иными словами, для восточноазиатских элит возникает **закономерный вопрос**: что первично и что вторично в процессе региональной интеграции? Восточноазиатские государства в целом исключают политическую интеграцию в регионе, так как в случае развития данного процесса речь пойдет либо о создании некоего самостоятельного регионального политического целого в зафиксированных на международном уровне территориальных границах, либо о формировании политического сообщества, не имеющего четкой привязки к определенной территории⁴. В обоих случаях политическая интеграция имеет реальное пространственное измерение и внешние границы, то есть представляет из себя региональную форму государственности.

Общее государство в масштабах региона пока еще слабо просматривается на просторах Восточной Азии, однако если развитие пойдет в рамках культурной и экономической парадигмы, нельзя исключать варианты интегрирующего конфуцианского и хозяйственного влияния Китая. В этом случае ключевой идеей станет не политическая матрица, ориентированная на создание общих правовых институтов, а объективный экономический интерес, соединяющий суверенные государства региона в рамках общей социально-культурной или даже цивилизационной интеграционной модели. Отсюда возникает закономерный вопрос о сущности, критериях и предпосылках цивилизационной интеграции⁵. Ряд исследователей называют подобную интеграцию «конвенциональ-

ной», то есть договорной, когда взаимодействие независимых суверенных государств носит исключительно конкретный прагматический характер на основе их долговременных национальных интересов. Участники подобного сообщества объединены не общей территорией, а историческими цивилизационными ценностями и устоявшимися этическими нормами.

В цивилизационной интеграции важно естественное преобладание «чувства общности», которое складывалось иногда в течение нескольких тысячелетий. В условиях Восточной Азии оно никогда на протяжении истории не приводило к наднациональному управлению и поэтому не являлось предпосылкой к политической интеграции, хотя не исключало хозяйственной интеграции в виде прямой вассальной зависимости, в рамках которой сюзереном всегда выступало китайское государство⁶. Можно выделить несколько признаков властного доминирования Китая над странами восточноазиатского региона: эффективный политический контроль в применении экономических стимулов и военных средств принуждения; целенаправленное дозирование китайскими властями распределения местных суверенитетов между разными уровнями вассальных территорий и создание там китайских центров принятия ключевых решений, от которых зависело распределение практически всех ресурсов; воспитание зависимых местных элит из политически активных слоев населения, для которых Китай становился символом формирующейся общей идентичности.

В реальности интеграционные процессы в Восточной Азии остаются достаточно сложными и противоречивыми, но, тем не менее, не меняют своей основной сути. Сегодня КНР, судя по всему, выстраивает «функционалистский» проект региональной интеграции и видит главную цель в развитии взаимосвязанной транснациональной экономики в рамках создания самодостаточных профильных функциональных объединений в высокотехнологичных областях сотрудничества.

При продвижении своей региональной интеграционной модели китайское правительство руководствуется конфуцианским принципом: «форма всегда следует за функцией»⁷. Практика показывает, что в рамках подобного подхода развитие сотрудничества в одной сфере неизбежно влечет за собой расширяющееся взаимодействие в смежных сферах, которое объективно требует уже создания международных правовых институтов, обладающих внешними атрибутами надгосударственных функциональных организаций. Вместе с тем такой процесс вызывает у правительств восточноазиатских государств серьезные опасения в отношении возможности утраты национального суверенитета. Суть их в том, что внедрение этого процесса может повлечь внешние попытки убедить граждан отдельных стран переориентировать их политическую лояльность на некий новый центр власти, институты которого начнут претендовать на обладание высшей «наднациональной» юрисдикцией. По мнению некоторых китайских экспертов, «перелив властных функций» способен привести к росту напряженности на «границах» национальных и наднациональных юрисдикций, что неизбежно повлечет возникновение политических осложнений там, где их трудно было предвидеть.

Руководство КНР осознает, что активное развитие внешнеэкономических связей может привести к созданию многосторонних альянсов вовлеченных в него государств и возникновению наднациональных институтов власти. Реализуя восточноазиатскую интеграционную модель, в Китае хотели бы «пройти между Сциллой и Харибдой», то есть, продвигая в качестве основополагающей идею главенствующей роли государств в развитии региональной интеграции, поставить условием необходимость учета внутривнутриполитических факторов и признания значимости национальных правовых институтов в региональных международных отношениях. Основная суть современной китайской модели для Восточной Азии состоит в том, что любое расширение полномочий наднациональных органов должно быть прямым следствием правительственных решений суверенных государств⁸. При этом высшая власть в конечном итоге сохраняется в руках националь-

ных государств, а это означает, что решения принимаются только консенсусом всех участников интеграции.

Выстраивая восточноазиатскую интеграцию, КНР больше всего опасается возникновения механизмов надгосударственного принятия ключевых политических решений, когда правительственные полномочия отдельных государств делегируются региональным международным организациям, принимающим решения на основе принципа большинства. Отдельные государства, вступившие в подобные организации, рискуют оказаться в ситуации несогласия с мнением большинства, противоречащим их собственным национальным интересам. В Восточной Азии уже появились примеры «наднациональной легитимности», связанные с функционированием интеграционных механизмов в рамках АСЕАН⁹. В частности, там широко обсуждается сингапурский тезис о «непрямой легитимности», которой Ассоциация все чаще наделяет наднациональные институты через головы правительств стран-участниц. Вместе с тем очевидно, что представительные институты правления большинства на региональном уровне способны обеспечить легитимность власти лишь в случае, если властные структуры будут опираться на «коллективную идентичность» под названием «единая нация», а это на сегодняшнем этапе развития интеграционных процессов в Восточной Азии очень трудно себе представить.

Политическая мотивация участия КНР в процессах восточноазиатской интеграции сводится, прежде всего, к цивилизационному доминированию в регионе. Добиваться этого Пекин намерен за счет масштабного использования «мягкой силы», выдвигая перед участниками процесса концепцию постнациональной легитимности, природа которой будет заметно отличаться от национальной¹⁰. Основой постнациональной легитимности в Восточноазиатском сообществе должны стать общие ценности культуры, традиций и языка. Так называемая коллективная идентичность может, по оценкам китайских исследователей, появиться весьма быстро, если будет целенаправленно претворяться в жизнь политическими, правовыми и административными институтами. Главным двигателем данной концепции станет осуществление диалектического принципа «единство через многообразие», когда политической целью будет названо не образование некоего сверхгосударства в регионе, а организация многоуровневого управления восточноазиатским пространством.

Китайские эксперты полагают, что такая организация станет многосторонним и многоуровневым международным институтом, в котором направляющая роль суверенных государств продолжит последовательно укрепляться. В основу уже формирующегося Восточноазиатского сообщества заинтересованные страны скорее всего заложат классический международный договор, стержнем которого станет принцип субсидиарности¹¹. Иными словами, государства, руководствуясь собственными национальными интересами, делегируют наднациональным органам тот объем полномочий, который будет реализовываться более эффективно, чем на национальном уровне. Но это отнюдь не означает, что в обозримой перспективе можно ожидать исчезновения разграничения всего комплекса отношений между восточноазиатскими государствами на внутривосточные и внешнеполитические. Все государства Восточной Азии выступают сегодня против создания какого-либо механизма, позволяющего любой наднациональной структуре вмешиваться в их внутренние дела, что совершенно однозначно отдает приоритет принципам международного права в противовес любым ссылкам на абстрактные «общепринятые мировые ценности»¹².

Для понимания особенностей развивающейся восточноазиатской интеграции необходимо осмыслить диалектическое взаимодействие двух реально существующих детерминант: положения региона в мировой системе и характера внутривосточных институтов суверенных государств Восточной Азии. В восточноазиатском регионе практически не прослеживается тенденция к «десуверенизации государства» и «децен-

трализации общественного сознания»¹³. Напротив, этой тенденции все явственнее противостоят последовательное укрепление национального государства и его классическая прерогатива на применение насилия, обеспечение безопасности, защиту границ и внутренних дел от вмешательства извне. Даже ради очевидных экономических выгод государства региона не готовы ни при каких условиях поступиться малой толикой своего национального суверенитета, а потому сегодня экономическая интеграция в Восточной Азии осуществляется преимущественно на конкретных товарных рынках на основе двусторонних соглашений. Образование многосторонних международных институтов обсуждается, но при этом одновременно повышается роль государств, что блокирует проницаемость границ, а значит — свободное региональное перемещение капиталов, товаров и рабочей силы.

Защита национального суверенитета является стратегической парадигмой развития восточноазиатских государств. Именно таким образом в странах Восточной Азии обеспечивается сохранение традиционных ценностей и выставляется заслон на пути западной унификации сознания. Последнее более всего волнует правящие элиты Китая, Республики Корея и Японии, поскольку названные страны после Второй мировой войны стали главными объектами мощной идеологической атаки со стороны США, бросивших огромные ресурсы на реализацию глобализационного проекта в восточноазиатском регионе¹⁴. Американские исследователи выделяют следующие факторы, которые пока еще препятствуют развитию интеграционных процессов в Восточной Азии по образцу, приемлемому для Вашингтона: растущий экономический национализм; усиливающиеся попытки проводить внешнеполитический курс в национальных интересах собственного государства; осмысленное формирование негативного образа западной цивилизации.

Представляется, что реальная суть комплексной проблемы восточноазиатской интеграции наиболее четко определяется следующим образом: восточноазиатская и западная цивилизации продолжают устойчиво развиваться в разных философских измерениях в том смысле, что «золотой век» Восточной Азии видится в возрождении прошлого могущества (прежде всего Китая)¹⁵, в то время как «западные ценности», провозглашенные Великой французской революцией, последовательно теряют прежнюю привлекательность.

По оценкам западных экспертов, миф о «великом прошлом» в качестве политического фактора регионального развития в значительной степени стимулирует геополитическую стратегию КНР, стремящуюся обосновать свое лидерство в интеграционных процессах Восточной Азии. Китайская стратегия доминирования в восточноазиатском регионе заключается на нынешнем этапе преимущественно в многочисленных попытках заключить перекрестные преференциальные торговые соглашения, нацеленные не столько на достижение конкретных экономических результатов, сколько преследующие масштабные политические макроцели, осуществление которых позволит окончательно избавиться от любого соперничества со стороны других великих держав. Пекину крайне важно консолидировать под своим общим политическим влиянием все государства Восточной Азии и противопоставить этот «цивилизационный альянс» основным внерегиональным игрокам, таким как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и даже Индия¹⁶. Китайские специалисты уже начали озвучивать концепцию «нового восточноазиатского регионализма», содержание которой убеждает в том, что в высших политических кругах КНР Восточную Азию рассматривают в качестве «зоны исключительных геостратегических интересов Китая», не подпадающей под «цивилизационную юрисдикцию» других крупных государств. Иногда возникает ощущение, что восточноазиатская интеграция есть не что иное, как современная интерпретация существовавшего прежде и воссоздающегося «гармоничного китайского мира», путь развития которого был прерван действиями Запада.

Политические мотивы Китая при формировании собственной модели восточноазиатской интеграции определяются стремлением трансформировать геополитическую архитектуру данного региона. По убеждению Пекина, наращивание экономической взаимозависимости государств Восточной Азии в конечном итоге приведет к возникновению такого уникального явления, как «новый восточноазиатский регионализм». В основе этого явления будет лежать растущее государственное влияние на системообразующие отрасли региональной хозяйственной системы, что создаст эффект достаточно быстрого политического сближения долгосрочных целей местных элит. Объективные экономические интересы заставят восточноазиатские правительства искать взаимные компромиссы при учреждении общих региональных правовых институтов, и для этого имеется достаточно прочная традиционалистская основа в виде разделяемых практически всеми странами региона цивилизационных ценностей¹⁷. Ощутимый удар в связи с этим будет нанесен по внерегиональным игрокам, поскольку названные ценности не позволят им поставить развивающиеся в Восточной Азии интеграционные процессы под эффективный контроль, и это будет тем стратегическим ущербом, который в долгосрочной перспективе очень сложно чем-либо компенсировать.

1. *Drysdale P.* Asia's economic and political interdependence // East Asia Forum. Singapore, 2012. P. 3.
2. *Narine S.* State Sovereignty and Regional Institutionalism in the Asia Pacific // Working Paper. 2005. No. 41. The Pacific Review. P. 20.
3. *Aggarwal V.* Asia Pacific Crossroads. St. Martin's Press, 2003. P. 210.
4. *Alagappa M.* Constructing Security Order in Asia // Asian Security. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 81.
5. *Ayoob M.* Inequality and Theorizing in International Relations // International Studies Review. 2003. No. 4 (3). P. 37.
6. *Cliff R.* In the Dragon Shadow. Stanford: Stanford University Press, 2008. P. 288.
7. *Collins A.* The Ethnic Security Dilemma // Contemporary Southeast Asia. 2008. No. 20 (3). P. 270.
8. *Claphem C.* Sovereignty and the Third World State. Malden: Blackwell Publishers, 2009. P. 100.
9. *Chang L.* The Economics and Political Regionalism in Asia // ASEAN Economic Bulletin. 2001. No. 18 (1). P. 44.
10. *Crouch H.* Weak and Strong States in Asia Pacific. Canberra: Allen and Unwin, 2008. P. 93.
11. *Doner R.* Japan in East Asia: Institutions and Regional Leadership. Ithaca: Cornell University Press, 2007. P. 197.
12. *Doty R.* Sovereignty and the Nation: Boundaries of National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
13. *Hemmer C.* Why Is There No NATO in Asia? // New York: International Organization. 2008. No. 56 (3). P. 575.
14. *Higgott R.* De Facto and De Jure Regionalism in the Asia Pacific // Global Society. Singapore, 2000. P. 171.
15. *Tung H., Chang Yu.* Against the Current: Understanding the Sources of Change in an Age of Sino-US Competition for Soft Power in East Asia (Paper 6) // Panel IV: Will China Become a Model for Development in East Asia? — An Asian Barometer Survey Conference on How East Asians View the Rise of China. Taipei. 2012. October 22–23.
16. *Исида О.* Тогоку-но тайгай хатэн сэньяку-ни цуйтэ: [О китайской внешнеполитической стратегии] // Цукуба дайгаку киё. 2008. № 3. С. 44.
17. *Ван И.* Чжунго шанчжан: [Возвышение Китая]. Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ, 2008. С. 258.